

АВГУСТОВСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1968 г. В ЧЕХОСЛОВАКИЮ И ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ¹

А.С. Стыкалин

Аннотация. Режим Чаушеску в Румынии, который стремился к ослаблению советского влияния в стране и заметно отклонялся в своей внешней политике от общей линии советского блока, с самого начала не поддержал силового давления Москвы в отношении чехословацких реформаторов, инициировавших Пражскую весну 1968 г. Чаушеску и его окружение, мало озабоченные «человеческим лицом» чехословацкого, как и любого другого социализма, воспринимали все происходящее сквозь призму собственной национал-коммунистической доктрины. Соответственно и Пражскую весну они рассматривали только как движение за расширение национального суверенитета, а в чехословацких коммунистах-реформаторах видели своих попутчиков в борьбе за самоутверждение Румынии на международной арене, освобождение ее от доминирующего влияния Москвы. Резко осудив интервенцию 21 августа 1968 г. в отношении Чехословакии, коммунистическое руководство Румынии не исключало военной угрозы и против своей собственной страны, приняв целый комплекс оборонительных мер. В дальнейшем, осознав, что ни титовская Югославия, ни Китай, ни западные страны не окажут Румынии эффективной военной помощи в случае нападения на нее извне, румынские лидеры прилагают усилия для восстановления полноценного диалога с СССР.

Ключевые слова: Пражская весна 1968 г., интервенция 1968 г. в Чехословакию, советский блок, Варшавский договор, советско-румынские отношения.

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а, zhurslav@gmail.com.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.)

Речь идет об СССР, Польше, Венгрии, Болгарии и ГДР. Участие в акции войск ГДР было скорее формальным, ее организаторы акции понимали, что вступление немецких войск в чешские земли не может породить в исторической памяти чехов явных реминисценций с оккупацией нацистами Судетской области в 1938 г.

AUGUST INTERVENTION 1968 IN CZECHOSLOVAKIA AND POSITION OF ROMANIA

A.S. Stykalin

Abstract. The Ceaușescu regime in Romania, which sought to weaken Soviet influence in the country and deviated significantly in its foreign policy from the general line of the Soviet bloc, from the very beginning did not support Moscow's power pressure on the Czechoslovak reformers who initiated the Prague Spring. Ceaușescu and his team, who had no thought of making the "human face" of the Czechoslovakian or any other socialism, watched the events through the prism of their own national-communist doctrine. Thereby they viewed the Prague Spring only as a movement for the expansion of national sovereignty, and in Czechoslovak reform, communists saw their potential allies in the struggle for Romania's full independence in the international arena, its liberation from the dominant Soviet influence. Sharply denouncing the intervention of August 21, 1968, in Czechoslovakia, the communist leaders of Romania did not exclude the military threat against its own country, adopting a whole range of defensive measures. Later, recognizing that neither Tito's Yugoslavia, nor China, nor Western countries, will render Romania effective military assistance in case of an attack from outside, the Romanian leaders made efforts to renew a broad dialogue with the USSR.

Keywords: Prague Spring of 1968, intervention of 1968 in Czechoslovakia, Soviet bloc, Warsaw Pact, Soviet-Romanian relations.

21 августа 1968 г. совместной военной акцией пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД) силовым путем был положен конец попыткам далеких идущих реформ социализма в Чехословакии. Эта акция не нашла поддержки в Бухаресте — Николае Чаушеску и его окружение в течение весны и лета 1968 г. неустанно выражали свою солидарность с реформаторским руководством компартии Чехословакии (КПЧ) во главе с Александром Дубчеком. Румынские лидеры, мало озабоченные «человеческим лицом» чехословацкого, как и любого другого социализма, воспринимали все происходящее сквозь призму собственной национал-коммунистической доктрины. Соответственно, и в «Пражской весне» они предпочитали видеть лишь движение за расширение национального суверенитета, а в чехословацких коммунистах-реформаторах своих попутчиков в борьбе за самоутверждение Румынии на международной арене, освобождение ее от доминирующего советского влияния¹. Руководство ЧССР, не желая давать официальной Москве лишних поводов для недовольства, долгое время дистанцировалось от «диссидента» в социалистическом содружестве, Румынии, и только в августе, перед лицом непосредственной угрозы силового вмешательства со стороны союзников в свои внутренние дела, сделало шаг к сближению с ней (а также и с нейтральной титовской Югославией), вероятно, надеясь, что согласованная позиция трех социалистических стран затруднит политику диктата со стороны СССР и ОВД. 15 августа, менее чем за неделю до военной операции, Чаушеску собственной персоной отправился в Прагу для продления существовавшего у Румынии с ЧССР межгосударственного договора. Отправился вопреки настойчивым предостережениям румынских спецслужб [21 august 1968, 2009, p. 99], всерьез опасавшихся, что вполне ожидаемая акция по насильственному пресечению чехословацкого эксперимента может превратить лидера компартии Румынии, не успевшего покинуть Прагу, в заложника событий.

Состояние острой конфронтации, в котором оказались в августе 1968 г. два союзника по ОВД, СССР и Румыния, было вполне предсказуемым. Ведь отношения двух государств с каждым годом ухудшались. На сессиях Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) представители Румынии с начала 1960-х гг. последовательно выступали против планов экономической интеграции, нацеленных, по их мнению, на превращение страны в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств [Покивайлова, 2013]. Осенью 1963 г. румынская дипломатия совершает тайный ход в целях обеспечения безопасности страны на случай повторения Москвой внешнеполитической авантюры, подобной размещению ракет на Кубе, вызвавшему Карибский кризис 1962 г. В октябре 1963 г. в кулуарах Генассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Румынии К. Мэнеску просил представителей США при возможном возникновении новой угрозы ядерного конфликта рассматривать

¹ Пражские реформаторы неоднозначно воспринимали проявления солидарности со стороны режима Чаушеску. Как заметил в августе 1968 г. в беседе с советским дипломатом журналист центральной прессы Моц, последовательным сторонникам демократических реформ «неприятна подчеркнутая солидарность руководства Румынии, где в вопросах внутренней политики существует такое же положение», как в Чехословакии до начала реформ [Чехословацкий кризис 1967–1969 гг., с. 851].

Румынию как нейтральное государство, которое не может нести ответственности за принятые в Кремле без консультации с союзниками пагубные решения [Toader, 2016].

В июне 1963 г. на встрече первого секретаря ЦК Румынской рабочей партии Г. Георгиу-Дежа и Н.С. Хрущева произошла настолько острая перепалка, что через полтора года, при снятии Хрущева, соратники критиковали его за стиль общения с главами братских партий, ведущий к дальнейшему разброду в соцлагере [Президиум ЦК КПСС, 2003, с. 865]. Но за несколько месяцев до отставки, в июне 1964 г., Хрущев успел-таки на встрече в Ленинграде с И. Брозом Тито попросить харизматичного югославского лидера повлиять на румын, дабы те не сблизались слишком сильно с Китаем (противоборство между КПСС и КПК за гегемонию в коммунистическом движении достигло к этому времени своего апогея). Тито согласился, ведь прокитайского крена в политике своих румынских соседей он никогда не одобрял [Stykalin, 2014]. Особенно раздражало Хрущева то, что в ходе встреч китайцев с румынами то и дело поднимался бессарабский вопрос, по мнению обеих сторон, разрешенный несправедливо: для руководства КПК Бессарабия выступала дежурным примером того, что не только на Дальнем Востоке, но и в Европе Советский Союз обладает землями, на которые он имеет меньше прав, нежели соседние государства¹.

После отставки в октябре 1964 г. Хрущева и кончины в марте 1965 г. Георгиу-Дежа брежневское руководство СССР, преувеличивая роль субъективного фактора в ухудшении отношений двух стран, надеялось, что теперь удастся возобновить диалог «с чистого листа», убрав все наслоения. Но это было иллюзией, ведь глубина объективных противоречий оказалась недооцененной, не было принято во внимание естественное стремление не только элиты, но и всего румынского общества к расширению суверенитета страны. Списать все на волюнтаризм и грубость Хрущева не удалось, тем более что новый румынский лидер довольно молодой и амбициозный Н. Чаушеску с еще большей последовательностью, чем предшественник, пытался проводить в отношениях с СССР независимую линию, ссылаясь на национальные интересы, как он их понимал. Оставался в силе и важный программный документ – апрельская Декларация 1964 г., делавшая акцент на независимой внешней политике.

Осенью 1965 г. Чаушеску был с немалой помпой встречен в Москве, однако настроения советских лидеров сильно омрачились, когда в ходе бесед им было

¹ Как известно, междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишиневе. В 1918 г. аннексирована Румынией, в 1940 г. присоединена к СССР в соответствии с советско-германскими договоренностями о разделе сфер влияния. По итогам Второй мировой войны – вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР). О советско-румынских войнах исторической памяти об общем прошлом двусторонних отношений [см.: Стыкалин, Полемика..., 2017].

предложено полностью вернуть социалистической Румынии золотые запасы королевской Румынии, удержанные большевиками после того как та аннексировала в 1918 г. Бессарабию. Это вызвало в Кремле эффект разорвавшейся бомбы — Брежнев и его окружение, не на шутку озлобленные «румунской неблагодарностью» за послевоенную экономическую помощь, обещали — если в Бухаресте не перестанут упорствовать в своих требованиях — предъявить Румынии новый счет за вполне реальные разрушения и мародерство, чинившиеся армией маршала Антонеску на оккупированных советских территориях в 1941–1944 гг. [Anton, 2002].

Попытки плотнее «пристегнуть» Румынию к общей линии советского блока не были успешны. Разногласия усугублялись. На заседаниях Политического Консультативного Комитета и совещаниях армейского командного состава ОВД представители Румынии выступали за децентрализацию механизмов принятия решений, более активное приобщение стран-союзниц к разработке военно-стратегических планов [Preda, Oprei, 2008–2009].

В январе 1967 г. Румыния без консультаций с Москвой восстановила дипотношения с ФРГ вопреки общей линии советского лагеря не делать этого, пока в Бонне официально не признают если не ГДР, то по крайней мере восточные границы будущей единой Германии по Одере и Нейсе. В июне того же года Румыния заняла особую, компромиссную позицию во время шестидневной войны на Ближнем Востоке, отказавшись порвать отношения с Израилем, разгромившим три арабских государства [Anton, 2007]. Вследствие этого в марте 1968 г. румынская делегация в ответ на звучавшие оскорбления коммунистов из арабских стран была вынуждена демонстративно покинуть совещание компартий в Будапеште. Через три недели разыгрался еще один скандал в советско-румынских отношениях, когда при посещении Финляндии румынская делегация во главе с премьером И.Г. Маурером возложила венок на могилу маршала Маннергейма, памятуя о его заслугах на румынском фронте в бытность генералом российской царской армии в годы Первой мировой войны. В Москве восприняли это как недружественный акт [РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 19]¹.

Систематически отклонявшиеся от общей линии советского блока румынские лидеры не приглашались на созывавшиеся начиная с 23 марта заседания руководителей европейских социалистических стран-членов ОВД, где обсуждались пути решения «чехословацкой проблемы», остро беспокоившей официальную Москву, опасавшуюся индоктринации как советской, так и восточноевропейской интеллигенции исходившими из Праги еретическими идеями отмены цензуры, плюрализации идейно-политической жизни, активизации снизу общественных движений, выражающих широкий спектр интересов и взглядов, бытующих в обществе.

¹ Факт возложения венка на могилу Маннергейма был широко использован в СССР в политико-пропагандистской работе, направленной на то, чтобы доказать ущербность особой позиции Румынии в советском блоке.

12 июля руководство румынской партии получило письмо ЦК КПСС с изложением советской версии происходивших в Чехословакии событий, согласно которой вследствие наступления антисоциалистических сил в стране создалась «угроза завоеваниям социализма». Если предъявленные чехам упреки относительно ослабления руководящей роли партии трудно было перенести на румын (команда Чаушеску полностью контролировала положение в стране), то прозвучавшие в том же письме довольно голословные обвинения пражских реформаторов в стремлении ослабить Варшавский договор и единый внешнеполитический фронт, дискредитировать планы экономической интеграции стран социализма в гораздо большей мере, нежели чехам, могли быть предъявлены действующему румынскому руководству. В окружении Чаушеску это прекрасно понимали и сам факт присылки такого письма с характеристикой ситуации в Чехословакии мог быть расценен как предупреждение Бухаресту, призыв во избежание конфликта с Москвой изменить внешнеполитический курс. Это, впрочем, нисколько не повлияло на линию румын, продолжавших демонстративно солидаризироваться с курсом КПЧ в той мере, в какой он был нацелен на акцентирование национальной специфики в построении социализма. Вместе с тем на встрече с Дубчеком в середине августа Чаушеску призвал его к учету реальных возможностей и строгому соблюдению договоренностей с СССР [Istoria Comunismului din România, 2012, p. 444].

О принятом 18 августа окончательном решении осуществить масштабную военную акцию в Чехословакии руководство Румынии было предупреждено за считанные часы до ее начала по весьма сомнительным, учитывая важность момента, каналам — в 3 часа ночи 21 августа курьер советского посольства привез пакет с информацией в здание ЦК. Реакция была молниеносной. Уже в 6.30 было созвано экстренное заседание Исполкома ЦК румынской компартии, за ним последовало более широкое совещание с участием членов ЦК, госсовета и правительства страны. В обнародованном от имени партии и правительства и опубликованном затем в прессе заявлении ввод войск в Чехословакию был назван «тяжким нарушением национального суверенитета братского свободного и независимого государства, принципов, на которых основываются взаимоотношения между социалистическими государствами, и норм международного права». Эта позиция была сразу доведена и до сведения советского посла, приглашенного в здание ЦК. После полудня 21 августа (прошло не более 10 часов после того, как ввод армий ряда стран ОВД в Чехословакию стал реальностью) Чаушеску выступил с речью с балкона правительственного здания на многотысячном митинге в центре Бухареста. «Путь решения проблем, на который вступило руководство пяти стран, — заявлял он, — это путь авантюры, и нет уверенности в том, что этого не может случиться с другими странами, прежде всего с Румынией» [1968 год, 2010, с. 299]. Партийный лидер выразил от имени руководства страны готовность принять все надлежащие меры для вооруженного отпора внешней интервенции в случае, если таковая будет предпринята против Румынии. Это был уникальный в истории страны момент единения народа и коммунистической власти, достаточно сказать, что ряд интеллектуалов, ранее не скрывавших своих антикоммунистических убеждений, включая уроженца

Бессарабии, впоследствии видного диссидента Паула Гому, подали в этот день заявления о приеме в компартию (конфликт между властью и интеллигенцией при Чаушеску обозначился, а потом и до предела обострился позже, уже в 1970-е – 1980-е гг.).

Поскольку вызванные на экстренное заседание руководители румынских спецслужб не исключали, что готовится нападение и на Румынию [21 august 1968, 2009, р. 96–103], уже 21 августа по линии министерства обороны издаются приказы о приведении войск в повышенную боеготовность [Istoria Comunismului din România, 2012, р. 434–435], вскоре приступают к формированию отрядов национальной гвардии, начинается усиленными темпами возведение оборонительных сооружений на местах пересечения советско-румынских границ автомобильными и железными дорогами [Стыкалин, Наши пограничники..., 2017]. Выразив готовность к вооруженному отпору интервенции, руководство Румынии делало расчет на явную незаинтересованность Москвы в возникновении военного конфликта между странами-союзницами по ОВД. Если в ходе интервенции в Чехословакии, где от имени президента страны Л. Свободы и по линии министерства обороны войска получили приказы о несопротивлении многократно превосходящей военной силе, то применительно к Румынии после выступления Чаушеску с призывом к народному сопротивлению избежать развития событий по более жесткому сценарию было едва ли возможно, учитывая и то, что «ненадежные» ставленники Москвы, получившие образование в военных академиях СССР и сохранявшие связи с советским генералитетом, были в 1960-е гг. полностью вытеснены из румынской военной элиты.

Более развернутое изложение официальной румынской позиции содержалось в принятой 22 августа, на чрезвычайной сессии Великого Национального собрания (парламента страны) Декларации о базовых принципах румынской внешней политики. В ней было вновь осуждено попрание суверенитета в отношении социалистической Чехословакии, совершенное вопреки воле ее граждан, выражена готовность дать отпор любой агрессии. Одновременно была подчеркнута строгая приверженность Румынии не только делу европейской безопасности, но и своим обязательствам по Варшавскому договору, отмечена важность экономического сотрудничества социалистических стран в рамках СЭВ. Реагируя на звучавшую ранее из Москвы критику антисоветских устремлений в Румынии, официальный Бухарест высказался и за поступательное развитие советско-румынских отношений. Вместе с тем было отмечено, что пребывание в стране иностранных войск невозможно без санкции румынского парламента. Тем самым было косвенно указано на правовую неприемлемость обоснования ввода войск в суверенную страну, содержавшегося в заявлении ТАСС от 21 августа 1968 г., согласно которому к СССР и другим союзным государствам обратился с просьбой «об оказании неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами», не какой-либо официальный властный орган, а лишь ряд «партийных и государственных деятелей ЧССР». Новое альтернативное правительство по венгерскому сценарию 1956 г. в Чехословакии так и не было создано, ввиду того, что сторонникам интервенции не удалось получить большинство в

руководстве партии и заручиться поддержкой президента Л. Свободы. Приехавший в Нью-Йорк для участия в работе чрезвычайной сессии ООН министр иностранных дел Румынии К. Мэнеску представил принятый парламентом документ в ООН. Не желая сжигать мосты в отношениях с союзниками, румынская сторона уклонялась от резкой критики политики своих союзников и не присоединялась к резолюциям, осуждающим военное вмешательство в Чехословакии. Сверхзадачей всей риторики ее представителей в ООН было стремление обезопасить собственную страну от аналогичной угрозы, при этом делался акцент на международно-правовых аспектах. Вместе с тем Мэнеску находился в Нью-Йорке до начала сентября, пока в Бухаресте существовали опасения военной интервенции в отношении Румынии.

23 августа Румыния отмечала свой национальный праздник, 24-ю годовщину разрыва с нацистской Германией. В свете происходивших событий западные страны выразили поддержку независимой внешней политике страны. 78-летний генерал де Голль, который еще в мае 1968 г. (во время массовых студенческих волнений в своей стране) нашел время посетить Румынию, выразив солидарность с ее курсом на расширение суверенитета, 23 августа собственной персоной приехал на прием в румынское посольство в Париже приободрить в непростой момент представителей страны, известной как традиционный оплот французского культурного, а до некоторой степени и политического влияния на востоке Европы. Французский лидер, выведший свою страну в 1966 г. из военной структуры НАТО с сохранением ее членства в политических органах этого договора, считал аналогичную модель отношений применимой и для Румынии как члена ОВД, соответствующей ее (а опосредованно и французским) государственным интересам.

О безоговорочной поддержке принципиальной румынской позиции перед лицом советского диктата было заявлено и в Пекине. Второй по влиянию человек в стране Чжоу Эньлай, посетив 23 августа посольство Румынии, публично осудил «варварскую агрессию» в Чехословакии и «ничем не прикрытую измену марксизму-ленинизму» в пользу великодержавного шовинизма [Кулик, 2000, с. 447]. Более того, на случай военного конфликта с СССР румынам была обещана поставка китайского вооружения.

В момент интервенции несколько членов действующего правительства ЧССР, включая вице-преьера О. Шика, курировавшего экономические реформы, и министра иностранных дел И. Гаека, находились на отдыхе в Югославии, где заявили, что будут выполнять свои функции и «за пределами чехословацкой территории». Это вызвало серьезную озабоченность в Москве, где осознали, насколько серьезные проблемы для консолидации интервенционистских сил может создать перспектива формирования правительства в эмиграции с участием членов свергнутого законного кабинета министров. 23 августа в сообщении ТАСС, опубликованном в «Правде», было заявлено, что «все, кому дорого дело социализма в Чехословакии, отбросят прочь претензии обанкротившихся политиканов и тех, кто стоит за их спиной, выступать от имени ЧССР». Между тем, если И. Гаек уже 22 августа отбыл в Нью-Йорк для заявления протеста с трибуны чрезвычайной сессии Совбеза ООН, то О. Шик

23 августа посетил Бухарест, где в качестве легитимного представителя правительства ЧССР побывал на официальном приеме по случаю национального праздника. Реальной целью его поездки стало стремление антиинтервенционистских сил в чехословацком руководстве прозондировать почву относительно готовности не только титовской Югославии (также решительно не поддержавшей интервенцию), но и Румынии выступить на международной арене с последовательным осуждением силовой акции. Комментируя происходящее, «Правда» в сообщении ТАСС от 25 августа негодовала по поводу того, что к развязанному «империалистическому хору присоединились руководители Югославии и Румынии, которые оказывают активную помощь чехословацким антисоциалистическим силам. Именно в Белграде и Бухаресте плетут свои интриги политические авантюристы из Праги, оказавшиеся в эти дни за пределами Чехословакии».

Пребывая все эти дни в ожидании возможного вторжения [Улунян, 2013], 24 августа Чаушеску отбыл в Югославию, где в городе Вршац вблизи румынской границы состоялась его встреча с маршалом Тито. Явно и публично не поддерживав военной акции ОВД в отношении Чехословакии, опытный югославский лидер, вместе с тем, призвал Чаушеску к сдержанности. Он заявил о том, что вовсе не собирается оказывать Румынии военную помощь в случае ее вооруженного конфликта с Москвой, поскольку это было бы равносильно вступлению Югославии в войну с СССР. Более того, Тито в порыве откровенности прямо сказал Чаушеску, что прикажет разоружить румынские войска, если они вдруг отступят на югославскую территорию (это выглядело уже насмешкой мэтра над зарвавшимся учеником, если не легкой отрезвляющей пощечиной) [Istoria Comunismului din România, 2012, p. 435–450].

Между тем, в Бухаресте не прекращались и контакты с советской дипломатией, которым встреча с Тито дала новый стимул. По возвращении из Югославии Чаушеску утром 25 августа пригласил к себе советского посла А.В. Басова, выразив недоумение в связи с сомнениями Москвы в способности чехословацких коммунистов без внешнего вмешательства решать стоящие перед страной проблемы, равно как и в связи с недоверием к Румынии, никогда не ставившей под сомнение дружбу с СССР и сохранявшей верность своим союзническим обязательствам [Istoria Comunismului din România, 2012, p. 451–457]. Принимая довольно миролюбиво и сдержанно настроенного Басова (такова, очевидно, была инструкция, полученная им из Москвы), Чаушеску фактически дал ответ на датированное 24 августа и переданное послом письмо Политбюро ЦК КПСС в адрес Исполкома ЦК Румынской компартии, в котором «решительно отклонялось извращение принципиальной позиции Советского Союза и других социалистических стран» в связи с событиями в Чехословакии, осуждалась «нездоровая шумиха», поднятая в Румынии, выражалась надежда, что будут сделаны выводы, «действительно отвечающие сложившейся обстановке» [Чехословацкий кризис, 2010, с. 221–223].

Определенные шаги официальным Бухарестом действительно были предприняты: к концу августа резко снизился градус в критике СССР в румынской прессе. В

сентябрьской сводке Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) отмечалось, что «тон румынской печати резко изменился», что теперь делает возможным пропускать ее в продажу беспрепятственно [РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 20, л. 125]. Очевидно, сказалось не только стремление Бухареста к восстановлению диалога с Москвой (проявившееся и в поддержании постоянных контактов с советским посольством), но и развитие событий вокруг Чехословакии. Поскольку планы приведения к власти в этой стране нового правительства провалились, организаторам интервенции пришлось выпускать на свободу задержанных в ночь на 21 августа и доставленных в Москву под конвоем А. Дубчека и ряд членов его команды и сажать их за стол переговоров. По итогам советско-чехословацких переговоров, состоявшихся 23–26 августа в Москве, было подписано и 28 августа обнародовано коммюнике, свидетельствовавшее о готовности чехословацкой стороны пойти на компромисс в вопросе о присутствии в стране иностранных войск и предпринять некоторые меры в соответствии с советскими представлениями о путях нормализации. 27 августа постоянное представительство ЧССР при ООН обратилось к председателю Совбеза ООН с просьбой исключить из повестки дня вопрос о положении в Чехословакии в связи с достижением соглашения с СССР по ряду принципиальных вопросов.

Все это, однако, не означало снятия напряженности вокруг Румынии, ибо румынская и западная разведка продолжала получать данные о передвижениях войск стран-союзниц по ОВД вблизи румынской границы — политика силового давления в отношении ненадежного члена блока продолжалась. Этот вопрос поднимался в ходе бесед посла СССР в США А.Ф. Добрынина с госсекретарем США Д. Раском [Добрынин, 1997, с. 172–176], а 30 августа президент Л. Джонсон, выступая в рамках предвыборной кампании своей партии в Техасе, открыто призвал Москву воздержаться от новых силовых действий в Восточной Европе, которые могут возыметь серьезные последствия. В ответ посол СССР официально заверил госдепартамент США в отсутствии советских намерений предпринять силовую акцию против Румынии [Cătănuș, 2011]¹.

В целом негативное отношение к августовской военной акции в западноевропейских компартиях (особенно в наиболее сильных и самостоятельных французской и итальянской) активизировало усилия Бухареста с тем, чтобы завоевать более решительную поддержку своей позиции в рамках мирового коммунистического движения. Предложение об обсуждении чехословацкого вопроса на специальном созванном совещании европейских компартий не получило, разумеется, поддержки в Москве: в письме ЦК КПСС в Бухарест от 3 сентября сама идея отвергалась, акцент делался на поддержке чехословацкой власти «в организации

¹ В своих позднейших мемуарах Добрынин признает факт силового давления в отношении Румынии: «В Москве действительно были сильно раздражены поведением Чаушеску и даже пошли на демонстративное передвижение советских войск недалеко от границ с Румынией. Однако всерьез вопрос о вторжении в Румынию в Москве не стоял, ибо стабильность коммунистического режима там не вызывала беспокойства» [Добрынин, 1997, с. 175].

отпора антисоциалистическим силам». Было отвергнуто и поступившее 26 августа с румынской стороны предложение о двусторонней встрече на высшем уровне, ибо, как отмечалось, «ее проведение требует иной атмосферы, нежели та, которая создана в настоящее время недружественными акциями руководства РКП в отношении Советского Союза и других социалистических стран» [Gheorghiu, 2009, p. 127–128]. В записке аппарата ЦК КПСС «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей» от 17 сентября 1968 г. говорилось, что «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран», оценка событий в Чехословакии не изменилась, допускаются антисоветские выпады, продолжается формирование отрядов «патриотической гвардии» в целях «отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии» [Улунян, 2010, с. 184–185]. Это не дало, однако, Москве оснований свертывать многогранное сотрудничество двух стран. Продолжаются командировки ученых по линии АН СССР [Архив РАН, ф. 681, оп. 3, д. 619]. В октябре в Румынии состоялись дни советской культуры, для участия в которых прибыла представительная делегация из СССР [Вынужденное соседство, 2017, с. 373–381].

В литературе по истории международного кризиса 1968 г. продолжает дискутироваться вопрос: были ли обоснованы опасения, что при определенном стечении обстоятельств СССР и его сателлиты, в соответствии с предварительно разработанными планами, могут вторгнуться в Румынию и даже в нейтральную Югославию¹. Вводимые в научный оборот новые источники (аналитические записки экспертов НАТО и др.), отражающие в т.ч. и состояние отношений СССР с Западом в контексте чехословацкого кризиса, предоставляют дополнительный материал для конструирования различных версий [Mitrache, 2015]. Вопрос о возможной интервенции в Румынию муссировался до конца ноября, обсуждался и на ноябрьской сессии совета НАТО в Брюсселе [Radu, 2009; Radu, 2010], где были представлены данные западных разведок о новых передвижениях советских войск вблизи советско-румынской границы.

И есть ли основания считать, что именно жесткие предупреждения США сыграли решающую роль в отказе Москвы от силового выбора в отношении Румынии? Не ставя здесь целью дать подробный анализ имеющихся в литературе версий, заметим, что силовое вмешательство стран ОВД в Румынии было маловероятно в силу целого ряда причин. Известно, что, если осенью 1956 г. Советский Союз предпочел «навести порядок» в Венгрии собственными силами, то в 1968 г., в условиях чехословацкого кризиса, кремлевские лидеры, напротив, пытались интернационализировать акцию, сделать ее коллективной, представить как общее дело пяти стран-участниц ОВД, как проявление общей заботы о «спасении» социалистических завоеваний в Чехословакии. Так вот, что касается интервенции в Румынию, то Москва едва ли могла бы рассчитывать на поддержку сателлитов. Лидера Венгрии

¹ В монографии Ар.А. Улунына тщательно реконструируются существовавшие с конца лета 1968 г. в западных внешнеполитических кругах и среди экспертов разведывательного сообщества ожидания на этот счет [Улунян, 2012, с. 281–296].

Я. Кадара, долгие месяцы выступавшего за компромиссное решение, союзники с немалым трудом склонили участвовать в чехословацкой акции [Стыкалин, 2012], и почивать на лаврах ему не приходилось: в Словакии, где даже средним поколениям были памятны Мюнхенский сговор и последовавшие за ним события, «новый приход венгров» в силу исторических причин был встречен с особой враждебностью. Учитывая же традиционно еще более непростые венгеро-румынские отношения, ввод венгерских войск в Трансильванию вызвал бы в Румынии настоящую бурю. Прагматическому политику Я. Кадару этого было не нужно по многим причинам, и прежде всего потому, что это усилило бы напряженность на границе двух стран и усугубило бы положение большой (более 1 млн 600 тыс. человек) венгерской диаспоры в Румынии, за которым внимательно следило общественное мнение в самой Венгрии, ожидая, как затронет трансильванских венгров осуществлявшаяся бухарестскими властями административно-территориальная реформа. Гибкий политик Кадар, судя по записям августовских встреч лидеров соцстран, постоянно обращавший внимание Москвы не на военную, а именно на политическую сторону подготовки акции и весьма болезненно воспринявший провал с приведением к власти в Чехословакии так называемых «здоровых сил», даже под сильным давлением Москвы всячески саботировал бы участие Венгрии в «румынской акции». Критика политики Румынии в венгерской прессе была довольно умеренной и позиция, занятая Бухарестом в чехословацком вопросе, выступала лишь дополнительным аргументом в критике румынского национализма, проявившегося прежде всего в ликвидации в 1968 г. венгерской автономной области в Восточной Трансильвании. Довольно быстро — к середине сентября — был налажен и диалог между политическими элитами двух соседних стран.

Что же касается польского лидера В. Гомулки, то он весьма остро критиковал особую позицию румын, однако его в контексте чехословацкого кризиса сильно заботила прежде всего проблема германского реваншизма в отношении границ по Одере и Нейсе, сквозь призму которой он воспринимал все происходившее у южных соседей. Румыния, не граничившая с ФРГ, в сравнении с Чехословакией меньше заботила Гомулку уже в силу своего географического положения.

Не менее важен и еще один момент. При том, что военная операция в Чехословакии была проведена успешно, в Кремле и на Старой площади должны были учитывать полный провал с политическим обеспечением акции по смене власти в этой стране. Ведь «здоровые силы», на которые хотели сделать ставку, повторяя венгерский «сценарий» 1956 г., оказались слишком слабы. Так вот, в отличие от Чехословакии, в Румынии Москва вообще не имела своих ставленников в номенклатуре, их выдавили оттуда примерно к 1964 г., в условиях резкого осложнения двусторонних отношений. Было сведено к минимуму и сотрудничество органов госбезопасности двух стран. Вводить в страну войска, не имея внутри нее лиц, на которых можно делать ставку, было бы полной авантюрой. Судя по материалам заседаний Политбюро и совещаний с участием лидеров «братских партий» [Пражская весна, 2010; Латыш, 1998], Л.И. Брежнев и по поводу ввода войск в Чехословакию

довольно долго колебался, его подталкивали к более решительным действиям как некоторые соратники по партии [Шелест, 1995], так и восточноевропейские лидеры — В. Ульбрихт, В. Гомулка и Т. Живков. Ситуация, когда пришлось выпустить по сути дела из заключения и посадить за стол переговоров А. Дубчека и людей его команды (за неимением других партнеров), была для Брежнева довольно унижительна. Хотел ли он ее повторения в Румынии?! В советском руководстве едва ли не понимали, что Чаушеску, своей независимой политикой приобретшего немалую популярность (довольно спонтанный стотысячный митинг 21 августа в поддержку власти был наилучшим тому свидетельством), сместить было крайне трудно. Стоило ли, усиливая конфронтацию с Западом, принимать меры ради свержения непослушного вассала, учитывая, что никакой угрозы коммунистической диктатуре в Румынии не было, а говорить о попадании под влияние НАТО было трудно применительно к стране, имеющей такое географическое положение как Румыния? Флирт Румынии с Китаем и Западом хотя и вызывал раздражение в Кремле, но не становился предметом столь же серьезных опасений как попытки инициаторов Пражской весны реформировать всю систему, по сути лишив коммунистическую власть ее бесконтрольного характера.

В Кремле едва ли не осознавали: военная акция против Румынии, а тем более против Югославии превышает возможности СССР. Даже Сталин не решился напасть на Югославию в условиях острейшего конфликта 1948–1953 гг., когда все союзники были предельно лояльны. О чем же можно говорить применительно к 1968 г.? Неудивительно, что уже осенью 1968 г. Москва со своей стороны предпринимает шаги, направленные на смягчение отношений как с Румынией, так и с Югославией. Вышесказанное вовсе не опровергается тем фактом, что к советско-румынской границе были действительно подтянуты новые войска, а в генштабе прорабатывались планы их ввода в Румынию — на случай углубления или интернационализации чехословацкого конфликта (возможное, хотя и крайне маловероятное сопротивление чехословацкой армии войскам стран-союзниц, более активное вмешательство Запада в чехословацкие дела). Но между разработкой в генштабах военных планов (на любой случай) и политическим решением по их осуществлению существует, как известно, дистанция огромного размера. Что же касается предупреждений администрации президента США Л. Джонсона в адрес советского руководства в связи с возможной военной акцией в отношении Румынии, то нет оснований считать, что этот фактор был решающим. Крайне малая вероятность военных действий СССР и его союзников на румынском и югославском направлениях была обусловлена не столько предостережениями извне, сколько реальным соотношением политических сил в Европе летом–осенью 1968 г.

Августовский кризис 1968 г. был максимально использован Чаушеску для укрепления режима личной власти. Своим решительным поведением в те дни румынский лидер заработал немалый политический капитал (и внутри страны, и вовне), который мог потом растрачивать два десятилетия. Достаточно сказать, что из уважения к независимой внешней политике Румынии в августе 1969 г. Бухарест посетил

новый президент США Р. Никсон. Впрочем, испытанное в августе 1968 г. чувство эйфории в условиях широкой поддержки народом того, что делала коммунистическая власть, очевидно, уверило этого крайне тщеславного человека в собственной непогрешимости, что усилило проявления волюнтаризма и самодурства, достигшие к концу 1980-х гг. в замыслах и действиях Чаушеску редких высот (особенно в экономической политике) и принесшие собственному народу огромные проблемы. В конце концов, это не благоприятствовало сохранению румынским лидером чувства адекватности в иной политической атмосфере – в декабре 1989 г., когда он до последнего верил, что народ, как и в августе 1968 г., не поддержит «внешних происков», направленных на подрыв румынского государства, склонного идти своим путем к социализму. Иллюзии оказались тщетными. Национал-коммунистический режим Чаушеску разделил судьбу других коммунистических режимов Восточной Европы, причем смена систем в Румынии приняла особенно драматический характер, сопровождалась большим количеством человеческих жертв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. редактор Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. 808 с.

Архив Российской академии наук. Ф. 681. Оп. 3. Д. 619.

Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / отв. редактор О.В. Хаванова. М.: СПб.: «Нестор-История», 2017. 384 с.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: «Международные отношения», 1997. 688 с.

Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 639 с.

Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 года и реакция Кремля. М.: Типография РАН, 1998. 384 с.

Покивайлова Т.А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // *Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура* / отв. редактор Т.В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010. 432 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2003. 1344 с.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20.

Стыкалин А.С. «Наши пограничники наблюдают развернутые работы по созданию оборонительных сооружений...». О положении на советско-румынской границе

в конце августа 1968 г. // *Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* / отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 489–508.

Стыкалин А.С. Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 12–30.

Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // *Новая и новейшая история*. 2012. № 5. С. 21–41.

Улуныя Ар.А. 1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона) // *Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура*. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 355–376.

Улуныя Ар.А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 1950-х гг. – 1980 г.). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 912 с.

Улуныя Ар.А. Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е годы XX в.) // *Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 3. История и сообщества*. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 177–193.

Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М.: РОССПЭН, 2010. 1152 с.

Шелест П.Е. Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 1995. 591 с.

21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu / Coord. L. Betea. Iași, Polirom, 2009. 278 p.

Anton M. The First Brezhnev-Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965 // *Totalitarian Archives*. București, 2002. № 1–2. Pp. 277–286.

Anton M. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967 // *Revista Istorică*. București, 2007. № 3–4.

Cătănuș D. Romania – Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968 // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2011. № 3–4. Pp. 173–184.

Gheorghiu S. New Information on Romanian-Soviet Relations during the Czechoslovak crisis (24 august – 3 september 1968) // *Historical Yearbook*. Vol. VI. Bucharest, Iorga Institute of History, 2009. Pp. 122–128.

Istoria Comunismului din România. Vol. II. Documente Nicolae Ceaușescu (1965–1971). Iași, Polirom, 2012. 704 p.

Mitrache S. Romania and the Soviet Intervention against the Prague Spring. A NATO Assessment // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2015. № 3–4. Pp. 255–278.

Preda G., Opreș P. *România în Organizația Tratatului de la Varșovia, 1954–1968*. Vol. I-II. București, Institutul National pentru studiul totalitarismului. Vol. I. 2008. 436 p.; Vol. II. 2009. 447 p.

Radu L. De ce nu a fost invadată România în 1968? // *Magazin istoric*. București. Noiembrie 2009. P. 52–58.

Radu L. Noiembrie 1968. România sub amenințare sovietică? // *Magazin istoric*. București. Martie 2010. Pp. 37–41.

Stykalin A. Hrușciov și Tito: o discuție îndelungată despre România (Leningrad, iunie 1964) // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2014. № 1–2. Pp. 165–194.

Toader I. «Mystery revealed?» The Mănescu – Rusk conversation of October 1963 and the beginning of the Romanian – American “special relationship” // *Arhivele totalitarismului*. București, 2016. № 3–4. Pp. 237–253.

REFERENCES

1968 god. “Prazhskaya vesna”. *Istoricheskaya retrospektiva* [The Prague Spring. The Historical Retrospective] / ed. G.P. Murashko. M.: ROSSPEN Publ., 2010. 808 p. (in Russian).

Arhiv Rossiiskoi Akademii nauk [The Archive of Russian Academy of Sciences]. F. 681. Inv. 3. D. 619.

Vinuzhdennoe sosledstvo – dobrovolnoe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsion-alnih otnosheniyah v Centralnoi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evrope XVIII–XXI vv. [Forced neighborhood – a voluntary adaptation in diplomatic and international relations in Central, Eastern and South-Eastern Europe of the XVIII–XXI centuries] / ed. O.V. Khavanova. Moscow–Sankt-Peterburg: “Nestor-Istoria”, 2017. 384 p. (in Russian).

Dobrynin A.F. *Sugubo doveritelno: posol v Vashingtone pri shesti prezidentah Soedinennih Shtatov* [Strictly Confidential: the Ambassador in Washington under 6 Presidents of the USA (1962–1986 gg.)]. Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1997. 688 p. (in Russian).

Kulik B.T. *Sovetsko-kitaiskii raskol: prichini i posledstviya* [The Soviet-Chinese Split: Reasons and Consequences]. Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN, 2000. 639 p. (in Russian).

Latysh M.V. “Prazhskaya vesna” 1968 goda i reaktsiya Kremlya [The Prague Spring of 1968 and the reaction in the Kremlin]. Moscow: Tipografia RAN, 1998. 384 p. (in Russian).

Pokvailova T.A. *Ot G. Gheorghiu-Deja k N. Ceaușescu. Rumyno-Sovetskie otnosheniya: smena veh* [From G. Gheorghiu-Deja to N. Ceausescu. Romanian-Soviet relations: change of milestones], in *Moskva i Vostochnaya Evropa. Neprostye 60-e... Economica, politika, kultura* [Moscow and Eastern Europe. Uneasy 60s ... Economy, politics, culture] / ed. T.V. Volokitina. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2013. Pp. 177–206 (in Russian).

“Prazhskaya vesna” i mezhdunarodnii krizis 1968 goda [The Prague Spring and the International Crisis of 1968]. Dokumenti. Moscow, 2010, 432 p. (in Russian).

Presidium CK KPSS [The Presidium of the CC CPSU]. 1954–1964. Vol. 1. M.: ROSSPEN, 2003. 1344 p. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv noveishei istorii [the Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI). F. 5. Inv. 60. D. 19.

RGANI. F. 5. Inv. 60. D. 20.

Stykalin A.S. "Nashi pogranichniki nabliudaiut razvernutyte raboti po sozdaniui oboronitel-nih sooruzhenii". O polozhenii na sovetско-rominskoi granitze v koncze avgusta 1968 g. ["Our border guards are watching the unfolded works on the creation of defensive structures ...". On the situation on the Soviet-Romanian border in late August 1968], in *Slavyane i Rossiya: problemi voini i mira na Balkanah*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2017. Pp. 489–508 (in Russian).

Stykalin A. Polemica sovetского posla I ruminskogo funkcionera (mart 1980 goda) ob osveschenii proshlogo dvustoronnih otnoshenii [The Polemics between the Soviet Ambassador and the Romanian Functionary in March 1980 on the common past in the bilateral relations], in *Slavyanovedenie (Slavic Studies)*, 2017. № 1. Pp. 12–30 (in Russian).

Stykalin A.S. "Prazhskaya vesna" 1968 goda I pozicziya rukovodstva Vengrii [The Prague Spring of 1968 and the position of the Hungarian leadership], in *Novaya I noveishaya istoriya* [New and Contemporary History]. 2012. № 5. Pp. 21–41 (in Russian).

Ulunyan Ar.A. 1968 god. Buharest v ozhidanii sovetского vtorzheniya (Diplomatiya i oborona) [Bucharest waiting the Soviet Intervention (Diplomacy and Defense)], in *Moskva I Vostochnaya Evropa. Neprostye 60-e... Economica, politika, kultura*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2013. Pp. 355–376 (in Russian).

Ulunyan Ar.A. *Balkanskii "schit socializma". Oboronnaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 1950-h–1980 g.)* [Balkan "Shield of Socialism". The Defense Policy of Albania, Bulgaria, Romania and Yugoslavia (1950–1980)]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 912 p. (in Russian).

Ulunyan Ar.A. Mif "novoi Maloi Antanti". K istorii poyavleniya odnoi koncepczii (60-e gody XX v.) [The Myth of the New "Petite Entente". On the History of the Forming of a New Concept in the 1960-es], in *Evropeiskie sravnitelno-istoricheskie issledovaniya*. Vip. 3. Istoriya i soobschestva. Moscow: Institut vseobschei istorii RAN, 2010. Pp. 177–193 (in Russian).

Chehoslovackii krizis 1967–1969 v dokumentah CK KPSS [The Czechoslovakian Crisis of 1967–1969 in the CPSU documents]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 1152 p. (in Russian).

Shelest P.E. *Da ne sudimy budete: dnevniovie zapisi, vospominaniya chlena Politbiuro CK KPSS* [Let not be judged. The Notes of Diaries, the Memories of the member of the Politbiuro CC CPSU]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 1995. 591 p. (in Russian).

21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu [The Apotheosis of Ceaușescu] / Ed. by L. Betea. Iași, Polirom, 2009. 278 p. (in Romanian).

Anton M. The First Brezhnev-Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965, in *Totalitarian Archives*. București, 2002. № 1–2. Pp. 277–286.

Anton M. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza di-n Orientul Mijlociu. Iunie 1967 [The Romanian-Soviet Relations and the Crisis in the Middle-East in June 1967], in *Revista Istorică*. București, 2007. № 3–4 (in Romanian).

Cătănuș D. Romania – Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968, in *Arhivele Totalitarismului*. București, 2011. № 3–4. Pp. 173–184.

Gheorghiu S. New Information on Romanian-Soviet Relations during the Czechoslovak crisis (24 august – 3 september 1968), in *Historical Yearbook*. Vol. VI. Bucharest: Iorga Institute of History, 2009. Pp. 122–128.

Istoria Comunismului din România [The History of Communism in Romania]. Vol. II. Documente Nicolae Ceaușescu (1965–1971). Iași: Polirom, 2012. 704 p. (in Romanian).

Mitrache S. Romania and the Soviet Intervention against the Prague Spring. A NATO Assessment, in *Arhivele Totalitarismului*. București, 2015. № 3–4. Pp. 255–278.

Preda G., Opreș P. *România în Organizația Tratatului de la Varșovia* [Romania in the Warsaw Treaty Organisation], 1954–1968. Vol. I–II. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului. Vol. I. 2008. 436 p.; Vol. II. 2009. 447 p. (in Romanian).

Radu L. De ce nu a fost invadată România în 1968? [Why there was no invasion against Romania in 1968?], in *Magazin istoric*. București, noiembrie 2009. Pp. 52–58 (in Romanian).

Radu L. Noiembrie 1968. România sub amenințare sovietică? [Romania under the Soviet Threat?], in *Magazin istoric*. București, martie 2010. Pp. 37–41 (in Romanian).

Stykalin A. Hrușciov și Tito: o discuție îndelungată despre România (Leningrad, iunie 1964) [Khrushchev and Tito: long discussion about Romania, Leningrad, June 1964], in *Arhivele Totalitarismului*. București, 2014. № 1–2. Pp. 165–194 (in Romanian).

Toader I. “Mystery revealed?” The Mănescu – Rusk conversation of October 1963 and the beginning of the Romanian – American “special relationship”, in *Arhivele totalitarismului*. București, 2016. № 3–4. Pp. 237–253.